

18+ Алексей Королев

Званый ужин

Непрестанно молитесь

Алексей Королев

**Званный ужин.
Непрестанно молитесь**

«Издательские решения»

Королев А.

Званный ужин. Непрестанно молитесь / А. Королев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-692336-2

Михаил и Елена оказываются втянуты в мистическую западню: званный ужин у старого друга оборачивается кошмаром на грани реальности и ада. Чтобы вырваться из плена бесовских иллюзий и стеклянных городов, героям предстоит пройти через долину покаяния и встретиться с собственными грехами лицом к лицу. Это история о духовной бдительности, силе молитвы и о том, что самая страшная битва со злом происходит не в иных мирах, а в глубине человеческого сердца.

ISBN 978-5-00-692336-2

© Королев А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1: Пир теней	6
Глава 2: Пленники безмолвия	8
Глава 3: Инопланетное небо и шепот бездны	10
Глава 4: Глас вопиющего в пустыне	12
Глава 5: Стекланный город потерянных душ	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Званный ужин Непрестанно молитесь

Алексей Королев

Иллюстратор ChatGPT

© Алексей Королев, 2026

© ChatGPT, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0069-2336-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В мире, где материальное благополучие возведено в культ, мы часто забываем о тонкой нити, связывающей нас с Горним миром. Эта история — не просто плод воображения, а размышление о том, как легко человек может потерять себя в суете будней, забыв о самом главном — о своей душе и молитве.

Иногда Господь попускает нам испытания в виде странных, пугающих видений, чтобы встряхнуть нас, пробудить от духовного сна. Герои этой книги — обычные люди, такие же, как мы с вами. Они любят, ошибаются, радуются жизни, но в какой-то момент оказываются на грани, где привычный мир рушится, а спасение можно найти лишь в кратком, но искреннем воззвании к Творцу.

Пусть эта книга станет для каждого напоминанием: даже в самом глубоком мраке и в самом запутанном лабиринте чужих миров, свет молитвы способен указать дорогу домой.

Глава 1: Пир теней

Вечер опускался на город густым, сизым саваном, скрывая в своих складках очертания панельных многоэтажек и золоченые маковки храма на окраине. Михаил, поправляя воротник пальто, взглянул на часы. Сорок лет — возраст, когда жизнь уже не кажется бесконечной, но еще мнится надежной крепостью. Рядом, мягко ступая по первому, едва припорошившему асфальт снегу, шла Елена. Она была тихой и светлой, как лампада в пустой комнате, и в её чертах Михаил всегда находил покой.

Они считали себя людьми «правильными». Каждое воскресенье — литургия, на полке — аккуратный ряд молитвословов, в шкафу — припасенная святая вода. Но за этой привычной гладью ритуалов незаметно для них самих выросла ледяная корка равнодушия. Молитва стала лишь набором звуков, а пост — досадной диетой, которую так легко нарушить ради «особого случая».

И случай представился

Старый знакомый, Борис, чей голос в телефонной трубке казался странно гулким, пригласил их на ужин. Михаил с трудом вспомнил его лицо — они не виделись вечность. Но предложение было столь радушным, что отказать казалось невыносимым.

Дом Бориса встретил их непривычной для этих мест роскошью. Дубовые двери бесшумно распахнулись, и в нос ударил густой, дурманящий аромат: жасмин, смешанный с запахом жареного мяса и старого вина.

— Проходите, дорогие! Мы заждались! — Борис, высокий, в безукоризненном костюме, сиял улыбкой. Но в его глазах, если присмотреться, не было жизни — лишь холодный отблеск хрустальных люстр.

Стол, накрытый в гостиной, казался бесконечным. Михаил замер в изумлении. Такого изобилия он не видел никогда. Блестела чешуей запеченная в травах рыба, дымились золотистые караваи, в резных кубках дрожало темно-рубиновое вино. Гости — люди с изысканными манерами и неестественно звонким смехом — уже занимали свои места.

— Но ведь сегодня пятница... — робко шепнула Елена, коснувшись рукава мужа.

Михаил взглянул на стол. Желудок отозвался властным урчанием. Голод, внезапный и яростный, затуманил рассудок. — Один раз не в счет, Лена. Мы же в гостях, обидим людей, — отмахнулся он.

Он забыл перекрестить еду. Забыл короткую просьбу к Богу о благословении трапезы. Михаил сел на предложенное место и погрузился в пиршество. Первый же кусок мяса показался ему нектаром. Вино обожгло горло, разливаясь по венам странной, тягучей негой. Мир вокруг начал терять четкость. Смех гостей становился громче, перерастая в какой-то нестройный гул, напоминающий жужжание тысяч мух.

Михаил ел жадно, не замечая, как Елена сидит рядом, бледная, почти не притрагиваясь к тарелке. Он чувствовал себя на вершине блаженства, пока случайный взгляд не упал на висевшее в углу зеркало в массивной раме.

Там, в отражении, комната выглядела иначе. Стены казались облупленными и гнилыми, а за столом... Михаил моргнул. Ему показалось, что вместо Бориса в зеркале сидит нечто серое, с длинными, костлявыми пальцами.

Холодный пот проступил на лбу. Михаил отставил кубок. Память, словно проснувшаяся от удара колокола, вдруг выплеснула жуткое воспоминание: похороны два года назад. Гроб, обитый красным бархатом. И в нем — Борис. И его жена, ушедшая вслед за ним через неделю.

Михаил медленно повернул голову к хозяину дома. Тот по-прежнему улыбался, но теперь эта улыбка напоминала оскал черепа.

— Борис... — голос Михаила сорвался на шепот. — Но ты ведь... тебя ведь больше нет.

Музыка внезапно оборвалась. Все гости разом замолчали и повернули головы к Михаилу. Их глаза начали наливаться багровым светом, а воздух в комнате стал холодным и едким, как могильный дым. Михаил почувствовал, как невидимые тиски сжимают его сердце. Грань между привычным миром и Бездной с треском лопнула.

Глава 2: Пленники безмолвия

Тишина, воцарившаяся в зале, была не просто отсутствием звука — она была осязаемой, тяжелой, как толща воды, сдавливающая грудную клетку. Лица гостей, еще мгновение назад казавшиеся живыми, теперь напоминали восковые маски, оставленные слишком близко к огню: черты «поплыли», глаза сделались неестественно широкими, лишенными зрачков.

— Ты всегда был слишком любопытным, Миша, — голос Бориса изменился. Теперь это был не рокошующий бас старого друга, а сухой шелест опавшей листвы, в котором слышался скрежет металла. — Разве тебе не было вкусно? Разве тебе не было тепло?

Михаил попытался встать, но ноги сделались ватными, словно чужими. Елена вскрикнула, когда двое рослых мужчин в строгих черных костюмах — тех самых, что минуту назад вежливо обсуждали курс валют, — рывком подняли её со стула. Их пальцы, неестественно длинные и бледные, впились в её предплечья, оставляя на коже темные, быстро синеющие пятна.

— Не трогайте её! — Михаил рванулся вперед, но пространство между ним и женой вдруг растянулось, превратившись в бесконечный коридор из тумана и теней.

— Разделите их, — бросил Борис, даже не глядя в их сторону. Он снова принялся за еду, но теперь Михаил видел: то, что лежало на тарелке «хозяина», не было изысканным блюдом. Это была серая, шевелящаяся масса, источавшая запах тлена.

Михаила грубо толкнули в сторону тяжелой дубовой двери. Он пытался сопротивляться, кричать, но голос застревал в горле липким комом. Его вволокли в небольшую, лишенную окон комнату, больше похожую на каменный мешок. Дверь захлопнулась с глухим, окончательным стуком, отрезав его от Елены.

— Лена! — Михаил забарабанил в дерево кулаками. — Лена, я здесь!

Ответом ему был лишь издевательский, многоголосый смех, доносившийся словно из-под пола. Михаил замер, прижавшись лбом к холодной поверхности двери. Сердце колотилось так сильно, что каждый удар отдавался в висках. Он огляделся. Комната была пуста, если не считать единственного узкого окна под самым потолком, сквозь которое сочился странный, пепельно-серый свет.

«Это сон. Это просто дурной, кошмарный сон», — уговаривал он себя, чувствуя, как холод пробирается под свитер. Но боль в костяшках разбитых рук была слишком настоящей.

Вдруг он заметил нечто странное. Несмотря на то, что комната была заперта, а стены казались монолитными, он чувствовал движение воздуха. Михаил подошел к окну. Оно было расположено низко над землей, хотя они поднимались на второй этаж. За окном расстился город, но это был не их родной район.

Здания стояли криво, словно отраженные в сломанном зеркале. Улицы изгибались под невозможными углами, а небо... Небо было лишено звезд. Вместо них по иссиня-черному полотну ползали белесые, фосфоресцирующие пятна, напоминающие гигантских личинок.

Михаил надавил на раму. К его изумлению, створка легко поддалась. Он ожидал сопротивления, стражи, кандалов — но путь наружу был открыт. Это пугало больше всего. Снаружи было тихо, так тихо, что Михаил слышал собственный пульс.

Он подтянулся на руках и, преодолевая тошнотворный страх, вывалился в окно. Приземление было мягким, но странным: земля под ногами ощущалась не как почва или асфальт, а как плотная, упругая плоть.

— Эй! — тихий, сорванный голос заставил его вздрогнуть.

Из тени гаража, стена которого была покрыта какой-то живой, пульсирующей плесенью, вышел человек. Михаил едва узнал в нем одного из гостей — молодого человека, который за столом сидел напротив него. Теперь его лицо было серым, щеки ввалились, а в глазах застыл немой ужас.

— Ты... ты тоже сбежал? — прошептал незнакомец, испуганно озираясь.

— Где мы? — Михаил схватил его за плечи. — Где моя жена? Где проспект Космонавтов?

Человек истерично всхлипнул и указал дрожащей рукой вдаль, где между перекошенными домами зияла абсолютная пустота. — Проспекта нет. Ничего нет. Есть только Кольцо. Они водят нас кругами. Я пытался уйти, я шел часами, но всегда возвращался к этому страшному дому!

Михаил посмотрел в ту сторону, куда указывал попутчик. Там, в сумерках этого вывернутого наизнанку мира, медленно плыл огромный, освещенный изнутри автобус. В его окнах мелькали знакомые лица — те самые «гости», они смеялись, пили из кубков и махали Михаилу руками, приглашая присоединиться к их бесконечному вояжу.

И тут, перекрывая гул мотора, до Михаила донеслись звуки. Где-то в вышине, над личинками-звездами, тысячи голосов выводили дивную, неземную мелодию. Слова были неразборчивы, но один возглас пронзил Михаила насквозь, заставив его душу сжаться от осознания собственной наготы и греховности:

— Аллилуйя... Аллилуйя...

Это был призыв. Но не из этого мира. Михаил почувствовал, как к горлу подкатывает спасительный ком слез, но в этот момент холодная рука легла ему на плечо.

— Куда же ты, Мишенька? Мы еще не подали десерт.

Глава 3: Инопланетное небо и шепот бездны

Михаил резко обернулся. Перед ним стоял Борис, но теперь он казался выше, его фигура неестественно вытянулась, а кожа в лунном свете отливала перламутровой серостью. Его спутник, испуганный незнакомец, вскрикнул и бросился в густую тень между гаражами, исчезнув так мгновенно, словно его поглотила сама тьма.

— Нехорошо убегать, когда хозяева так старались, — произнес Борис, и его челюсть при этом двигалась странно, невпопад со словами.

Прежде чем Михаил успел ответить, пространство вокруг него исказилось. Звуки города — скрежет металла, хлопанье дверей автобуса — слились в один вибрирующий гул. Михаил почувствовал, как чьи-то невидимые, липкие руки подхватили его, и реальность рассыпалась на тысячи осколков.

Он очнулся в той же гостиной, но теперь она выглядела иначе. Стены были обтянуты чем-то вроде живой кожи, которая мерно пульсировала. За столом сидели всё те же гости, но их веселье стало неистовым, почти безумным. Они хохотали, запрокидывая головы, и Михаил с ужасом увидел, что у многих из них вместо зубов — острые иглы.

— Посмотрите-ка, наш беглец вернулся! — выкрикнула одна из женщин, чье лицо теперь напоминало треснувшую фарфоровую маску.

Михаил бросился к окну, надеясь увидеть привычный двор, но за стеклом расстилалось нечто невообразимое. Небо больше не было черным. Оно стало грязно-желтым, затянутым облаками, которые напоминали гигантских, раздувшихся белых барашков. Эти облака-существа медленно перетекали друг в друга, выпуская длинные щупальца к земле. Вместо звезд на горизонте горели огромные, пульсирующие багровые солнца, их было несколько, и они не давали света, лишь отбрасывали глубокие, живые тени.

— Мы вообще на Земле? — выдохнул Михаил, прижимаясь спиной к пульсирующей стене. — Кто вы такие? Инопланетяне? Похитители?

Хохот стал оглушительным. Борис подошел к нему вплотную, и от него пахло не едой, а формалином и старой пылью.

— Называй это как хочешь, Миша. Имена не имеют значения в месте, где время — это круг, а душа — лишь приправа к ужину.

Михаил посмотрел на свои руки — они начали бледнеть, становясь почти прозрачными. Страх, сковавший его до этого, вдруг сменился яростным, чистым осознанием. Он вспомнил лики святых в храме, вспомнил тихий шепот лампы дома и то, как легко он променял этот свет на миску чечевичной похлебки у мертвецов.

В его сознании, словно из далекого детства, всплыли слова, которые он тысячи раз произносил машинально, не вдумываясь в их мощь.

— Давайте помолимся, — вдруг четко и громко произнес Михаил.

Смех оборвался мгновенно, словно у всех присутствующих разом перерезали голосовые связки. Гости замерли в нелепых позах. В комнате стало так тихо, что слышно было, как пульсирует «кожа» на стенах.

— Что ты сказал? — прошипел Борис, и его лицо начало стремительно темнеть, покрываясь трещинами, из которых сочился черный дым.

— Давайте помолимся, — повторил Михаил, чувствуя, как внутри него начинает разгораться маленькая, но жаркая искра.

Из угла вышел огромный, невероятно крепкий мужчина, чей костюм едва сдерживал бугрящиеся под тканью мышцы. Его глаза были абсолютно черными, без белков.

— Молись, — оскалился он, занося пудовый кулак. — Посмотрим, услышат ли тебя в пустоте.

Михаил закрыл глаза. Он не видел больше ни желтого неба, ни монстров за столом. Он представил перед собой Елену и тот единственный свет, который не обманывает.

— Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного! — выкрикнул он.

Воздух вокруг него завибрировал. Кто-то из гостей начал издавать звуки, похожие на лай, пытаясь перекрыть его. Кто-то забормотал богохульства, коверкая слова молитвы, превращая их в уродливое эхо. Здоровяк замахнулся, но Михаил, не открывая глаз, повторил молитву еще раз, вкладывая в каждое слово всё свое отчаяние и всю свою надежду.

Он почувствовал, как в комнате стало невыносимо жарко, но это был не жар духовки, а зной очищающего огня.

Глава 4: Глас вопиющего в пустыне

Слова молитвы, сорвавшиеся с губ Михаила, казались в этом душном пространстве каплею раскаленного воска, упавшей на лед. Воздух вокруг него наэлектризовался. При каждом слове: *«Господи... помилуй...»* — стены, обтянутые живой кожей, содрогались в конвульсиях, а потолок начинал истекать густой, зловонной сукровицей.

Здоровяк, занесший над ним кулак, замер. Его черные глаза расширились, в них отразилось нечто, чего Михаил не ожидал увидеть здесь — первобытный, ледяной ужас. Существо попыталось ударить, но его рука, едва коснувшись невидимого барьера вокруг Михаила, вспыхнула синим призрачным пламенем. Раздался вопль, больше похожий на визг пилы по металлу.

— Замолчи! Прекрати это! — заверещал Борис, прикрывая лицо длинными пальцами, которые на глазах начали обугливаться. — Ты здесь гость! Ты сам пришел! Ты ел наш хлеб!

Но Михаил уже не слышал его. Он вошел в тот ритм, где время исчезает. Перед его внутренним взором стояла Елена. Он чувствовал её — она была где-то рядом, в такой же каверне этого кошмара, и её беззвучный плач разрывал ему сердце. Он понял, что его молитва — это не просто просьба о спасении себя, это единственный канат, брошенный в бездну, за который она может ухватиться.

— Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас! — выкрикнул он, намеренно меняя «мя» на «нас».

В этот момент фальшивое небо за окном, полное барашков-чудовищ, треснуло. По нему пробежала гигантская молния, но не золотая, а ослепительно-белая, как свет электросварки. Звук «Аллилуйя», доносившийся сверху, усилился, превращаясь в громовой раскат, от которого хрустальные кубки на столе разлетелись в пыль.

Гости начали меняться. Их дорогие костюмы превращались в лохмотья, а холеные лица — в обтянутые сухой кожей черепа. Они бросились к дверям, спотыкаясь и толкая друг друга, словно крысы, застигнутые пожаром.

Михаил распахнул глаза. Комната таяла. Стены становились прозрачными, обнажая за собой бесконечную пустоту, в которой кружились обломки других миров, старая мебель и тени людей. Он увидел Елену — она находилась в нескольких метрах от него, окруженная кольцом существ в серых саванах. Она стояла на коленях, её губы быстро двигались, а в руках она крепко сжимала воображаемые четки.

— Миша! — её голос прорвался сквозь гул распадающегося пространства.

Он рванулся к ней, но пол под его ногами вдруг превратился в зыбучий песок. Здоровяк-бес, чья рука всё еще дымилась, прыгнул на него, вцепившись в плечо когтями.

— Ты никуда не уйдешь! Ты подписал счет, когда взял первый кусок мяса! — прохрипел он в самое ухо Михаила.

Боль была невыносимой, жгучей, как кислота. Михаил почувствовал, как силы покидают его. Но в этот миг он вспомнил главное: враг силен лишь тогда, когда человек верит в его реальность больше, чем в Бога.

— Имя Твое — Свет! — прохрипел Михаил, из последних сил выталкивая слова. — Изыди!

Он набрал воздуха в грудь и снова, с яростью утопающего, обратился к Небу. При каждом слове Иисусовой молитвы хватка на его плече слабела, пока существо не рассыпалось в серый пепел.

Михаил вскочил и, преодолевая сопротивление густого, как кисель, воздуха, схватил Елену за руку. В ту же секунду всё вокруг вспыхнуло нестерпимым белым сиянием.

Глава 5: Стекланный город потерянных душ

Белое сияние не принесло мгновенного освобождения. Оно не было мягким светом лампы; оно резало глаза, как отражение солнца на битом зеркале. Когда зрение вернулось к Михаилу, он обнаружил, что они с Еленой стоят на узком карнизе колоссальной башни, уходящей вершиной в вечное марево.

Под ними не было земли. Там, внизу, расстился город, выстроенный из мутного, грязного стекла. Здания громоздились друг на друга, словно кости в братской могиле. Улицы этого места были заполнены тысячами теней — людей, которые двигались в жутком, монотонном ритме. Они не смотрели друг на друга, не разговаривали; каждый был поглощен своим прозрачным делом: кто-то вечно пересчитывал пустые кошельки, кто-то пытался оттереть с рук невидимую грязь, кто-то безмолвно кричал в пустоту.

— Где мы, Миша? — голос Елены дрожал. Она не выпускала его ладонь, и Михаил чувствовал, что её рука ледяная, как у покойницы. — Это всё еще тот дом?

— Нет, — Михаил огляделся. — Мы выпали из одной ловушки, но, кажется, угодили в преддверие чего-то худшего. Смотри на их лица...

Он указал вниз. Тени, бродившие по стеклянным мостовым, были лишены лиц в привычном понимании. Вместо глаз у них были глубокие впадины, а вместо ртов — затянутые кожей щели. Это были те, кто при жизни забыл свое имя, данное при Крещении, променяв его на маски благополучия, злобы или похоти.

Вдруг воздух над ними задрожал. С неба, где по-прежнему плыли живые облака-барашки, начали спускаться существа, напоминающие огромных насекомых с человеческими торсами. На их плечах висели сети, сплетенные из тонкой, черной проволоки.

— Ловцы... — прошептала Елена, инстинктивно прижимаясь к стене.

Одно из существ зависло прямо перед ними. Его лицо было странно знакомым — это был тот самый официант, что подливал Михаилу вино на пиру. Теперь его кожа была чешуйчатой, а вместо пальцев — острые жнецы.

— Вы нарушили порядок, — проскрежетало существо. — Молитва здесь — это шум. Она портит тишину нашего Хозяина. Отдай мне свою женщину, и я позволю тебе спуститься вниз, к остальным. Ты будешь вечно считать золотые монеты в своем стеклянном офисе. Разве не об этом ты мечтал по ночам, Михаил?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.